

Екатерина ГИЛЁВА

*

Если ты ловил кого-то вечером во ржи...

Если любишь только книги и карандаши,
Нарисуй барашка, травку и ещё цветы,
Небо — ясным, солнце — ярким, кладбище — пустым.

Домик нарисуй с крылечком, кошку у крыльца.
В доме — бабушку и печку, и ещё — отца.
Нарисуй собаку в будке, яблоню в саду,
И в сторонке, над обрывом — красную звезду.

Пусть висит за ради правды, мол, не вечно жить.
Хороши в саду цветочки, ах, как хороши!
«Домик...» — так давно не пишут!

Смейся да смеши!

...Если ты ловил кого-то вечером во ржи...

*

Третий год пошёл, как бабушка умерла.
Все стихи, что есть — все о ней, о ней и о ней.
Если птицы тень на земле — это тень орла,
Значит ночи тень на воде — это божий день.
Значит, клевер цветёт в лугах и уже пророс
Безымянный цвет полевой, и стоит, дразня.
Заходил на чай от забот отдохнуть Христос,
«Есть, — Он сказал мне, — бабушка и у меня».
Есть, он сказал мне, там, где дома святых,
Вечное Царствие Бабушек и Цветов,
Вечное Царствие Ландышей, где кресты
Лишь затем стоят, чтобы стать основой основ.

Вечные Бабушки пляшут и ждут гостей.
Хлеба всегда там полные закрома.
У Бабушек лето, когда над землёю всей
Только зима с зимою и вновь зима...

Вечные Бабушки молятся обо всех,
В Бога не верят, но он им это простил.
«Знаешь, — сказал Христос, — что такое «грех»?
Это писать о них и жалеть чернил».

БАЛЛАДА О КРЫЛЬЯХ

*

На обоях — цветы неизвестной страны,
и из детства всплывают ромашки и СССР,
и 9 мая салют, и отец офицер,
золотые “СА” на погонах на старой афганке,
я рисую цветы, я рисую горящие танки
и себя, на коне и в чапаевской бурке
спасающей маму,
чтобы пела мне песни, в моем букваре
мыла раму...
На обоях цветы неизвестной страны.
Слышишь, мама? В этих старых обоях
мне надо дожить до утра.

За окном чья-то пьяная глотка ликует: “Ура!”
У меня — тишина и такие же пьяные сны.
На обоях сияют цветы неизвестной страны.

*

Крылья растут отчего-то
у тех, кто родился в трущобах промзоны
забытого Богом Ангарска,
а может быть, Братска,
а может быть, Красноярска,
что, в общем-то, всё равно.
Ведь только в драных ботинках сегодня и можно
верхом на венике изображать Котовского
и слушать сказки чужой, живущей напротив
в убогой халупе,
беззубой старухи Егорихи.
Там, в этих сказках, Иван Царевич, конечно же,
бьёт распроклятых фашистов
и с беляками-буржуями борется за социальную
справедливость.
И мальчик в драных ботинках запомнит,
что бабу свою никакому Кашею отдать невозможно,
что землю свою никакому злодею продать
за конфеты нельзя,
что жить по-людски — это сложно, но нужно,
а значит — возможно и должно,
и то, что невзрачная пешка однажды дойдёт до ферзя.
В этих дымных, тщедушных домах,
так похожих на тени бараков,
конфеты бывают по случаю праздников
и не пропитой зарплаты.
Там дети читают книжки о Трое, Москве и Итаке
и мудро, по-взрослому даже, решают,
что нет на земле этих всех городов,
их книжники выдумали не весть зачем когда-то.
Ведь на кой строить город Венецию так,
чтоб по улицам плавали лодки?
И на кой называть по-немецки все эти Кронштадты?
И зачем есть в России столица,
где за красной стеною прячется власть,

если это стена для того,
 чтоб за нею народ укрылся от супостата?
Там детям мобильники дома дарят торжественно
 в день получения паспорта,
и в тёмном шкафу в нафталине хранятся
 солёные грошики деточке на учёбу.
Там и в пробки, и в минус сорок
 все едут общественным транспортом
и старуха Егориха раз в месяц ползёт
 в салон ритуальных услуг прицениваться ко гробу.
И мне отчего-то приходит на ум,
 быть может, дурная мысль
о том, что Христос
 или прочий какой не липовый,
 а настоящий спаситель
явится где-то вот в этих блаженных
 прокуренных улицах,
где даже вороны не каркают — кашляют,
 словно червонец уже отсидели
 в солнечном Магадане.
Светлый Спаситель явится где-то в Тамани,
 Вьетнаме, а может быть, в Афганистане,
явится там, где если и есть среднее образование,
 то и оно не для многих,
явится там, где тёмные люди верят в светлого Бога.
Ну отчего б не поверить мальчишке
 в драных ботинках
 с шахтёрской окраины
 дымного Красноярска,
что где-то на небе есть Бог,
а солнце — его боевая каска,
а звёзды — это награды,
а облака — погоны,
и фото его — на иконах?!

И нужен он для того,
 чтобы мать защитить от отцовских побоев
 и бабушку, старую и без зубов, защитить
 от болезни,
 и помочь мальчугану
 в дворовой драке
 негодяя больнее треснуть!

...А где-то есть города из старинного белого камня,
тротуары, которыми Пушкин ходил,

и полотна,
 которых касалась кисть Рафаэля...
Там живет какой-нибудь миленький Коля,
что любит мальчика Петю.
Их папы в Думе пекутся о браках геев,
потому что их дети хотят пожениться
после учебы в самом престижном и забугорном
 университете.
Лет на тридцать моложе, чем есть, выглядит
 бабушка Коли,
пишет книги
 о том, как похудеть,
 научиться быть стервой
 и соблазнять мужиков у моря.
Рафаэль был, конечно же, тоже не прочь соблазниться
длинноногой и стройною, и круглолицей девицей,
только вот Рафаэль на своем полотне
 не Мадонну делал блудницей,
а из блудницы-натурщицы он сотворял Мадонну,
не из Богородицы делал он бабу,
 а из бабы — икону.
Там, на окраине Красноярска, есть алкаш,
что в своем незабытом детстве мечтал
 быть на свете художником,
но папа шахтёр кулаком грохнул о стол
 и сказал, что он будет шахтёром
 или хотя бы шофёром,
а не каким-то невнятным художником,
 бездельником и шизофреником.
Так и не стал он художником
 и не освоил полеты,
но я замечаю, что крылья
 упрямо растут
 зачем-то и отчего-то там,
 где, казалось бы, вовсе не место полётам –
в трущобах промзоны забытого Богом Ангарска,
а может быть, Братска,
а может быть, Красноярска,
Ирака,
Тамани,
Вьетнама
и Афганистана,
 что, в общем-то, всё равно —
вдали от Великого Рима, поближе к степному дыму...